Ольга Ермакова

«Не дам я работы крематорию… сам все сожгу до последней косточки»: автоэпитафии и словоновы в рабочих тетрадях Алексея Крученых

Алексей Крученых известен широкому читательскому кругу «заумным языком» и эпатажным отказом от принятой эстетики поэзии и поведения. Он входил в круг поэтов, решивших дать «пощечину общественному вкусу» – спровоцировать публику сконструировать мир заново, напрочь лишив его связи с литературной традицией. В тени громкой и отчасти скандальной славы остается другой важный период – рукописный. В это время, по мнению историков русского авангарда, поэт, акционист и провокатор Крученых превращается во въедливого коллекционера, занимающегося чужими архивами. Почти гоголевский образ «торговца подержанными рукописями» оставил нам Андрей Вознесенский: «Он продавал рукописи Хлебникова. Долго расправляя их на столе, разглаживал, как закройщик. “На сколько вам?” — деловито спрашивал. “На три червонца”. И быстро, как продавщик ткани в магазине, отмерив, отхватывал ножницами кусок рукописи — ровно на тридцать рублей. <…> Звали его Лексей Елисеич, Кручка, но больше подошло бы ему – Курчонок. Кожа щек его была детская, в пупырышках, всегда поросшая седой щетинкой, растущей запущенными клочьями, как у плохо опаленного цыплака. Росточка он был дрянного. Одевался в отрепья. Плюшкин бы рядом с ним выглядел завсегдатаем модных салонов». Но таким ли был Алексей Крученых в действительности тысячи девятьсот тридцатого года?

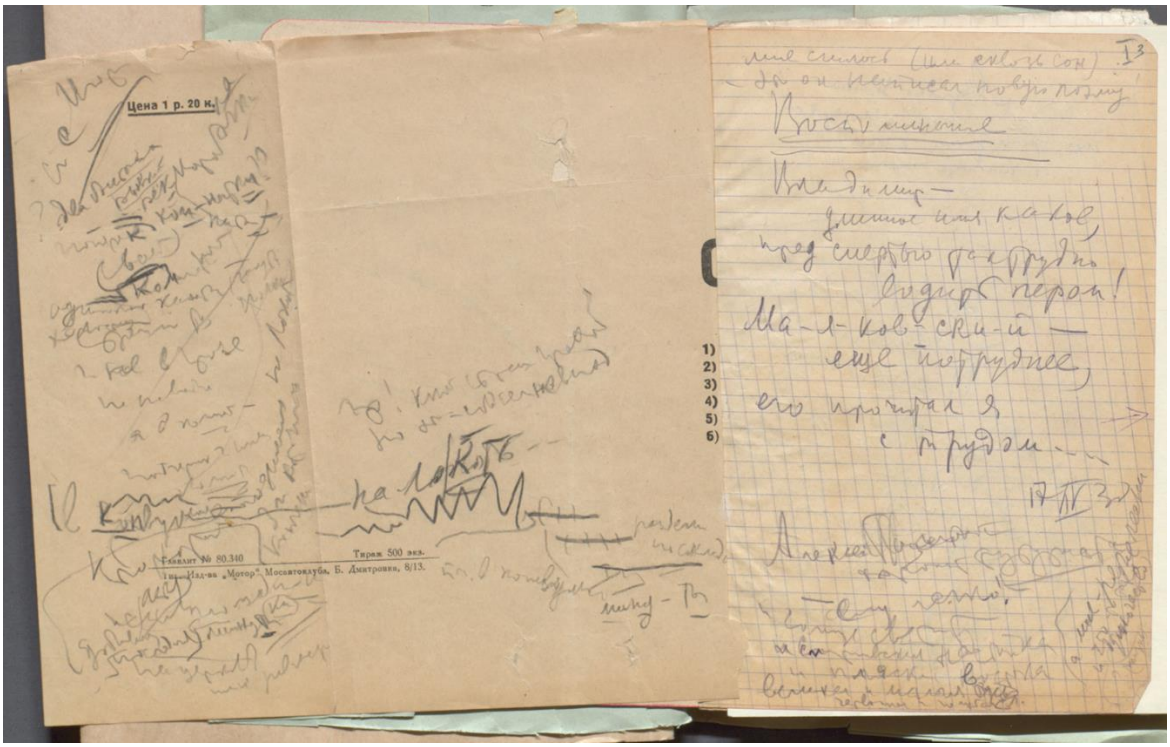
Время рукописей

Считается, что рукописный этап в жизни Крученых начался в 1930 году. Связано это не только и не столько со смертью Владимира Маяковского, сколько с публикацией последних тиражируемых книг самого Крученых. Именно так характеризует этот период историограф русского авангарда Николай Харджиев: «Его последние сборники были изданы в 1930 году, в количестве 150 и 130 экземпляров: я имею в виду два цикла “Ирониада” и “Рубиниада” — лучшие образчики любовной лирики Крученых, перекликающиеся с поэмой Маяковского “Облако в штанах”. Последние 38 лет жизни Алексея Крученых были “рукописным” периодом его творчества». Точную границу между двумя жизненными стратегиями Крученых очертить трудно. Вероятно, произошло это чуть ранее. По крайней мере, уже с 1927 года Крученых публиковал не всё и бережно хранил в столе тетради стихотворений. Осталось их немало – сорок пять. Как отмечает Любовь Хачатурян, «на смену концептуалисту и заумнику Кручу, более радикальному в акционизме и языковых новациях, чем Маяковский и Бурлюк, пришел новый миф – о превращении поэта в

филистера (и здесь не случайна параллель с Рембо)». Кардинальную смену имиджа можно трактовать как очередной провакативный перформанс – оглушительное молчание поэта, еще одна, на этот раз последняя пощечина современникам.

Одна тысяча девятьсот тридцатый

Год, прошедший под знаком самоубийства Маяковского. Безусловно, переломный год в жизни Алексея Крученых. В день похорон Маяковского, 17 апреля 1930 г. в третьей из сорока пяти рабочих тетрадей был записан реквием.



Первая запись. ***РГАЛИ. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 3.***

Мне снилось (или сквозь сон) – это он написал новую поэму!

Воспоминания

Владимир –
длинное имя какое,
пред смертью так трудно
водить пером!
Ма-я-ков-ски-й –
еще потруднее,
Его прочитал я
с трудом…

17. IV. 30

Уже роковые тени заката
набросили сетку на нашу голову
Вот уже старый друг протянул пятки, –
не вмещается в нормальном гробу.

Рокот моря, гуд земли,
мор небесный, град и гром
поразить нас больше не смогли-б
чем МАЯК, упавший среди комнаты.

Чуть-чуть пролив,
остальные раздавивши слезы,
говорю я не как нежный друг и брат,
говорю я прямо, крепко, грозно:

МАЯКОБА!
Что-ж ты сделал?
Во всю комнату
на локоть –
«дуба дал».

Из-за драмы,
из-за бабы
два набоба
пыжат морды…
Грязный бантик
дряблых губок
надо-б –
с корнем!

А ТЫ
ДУЛО ВДВИНУЛ! –
наповал!..

МАЯКОБА!
В небе бомбы
гляди в оба!
Многотонный
перегрызывает небо
грузный газовоз…
Сторож, сторож!

Нет, не в пору!
Двинул горы.
Врагу в радость,
нам на горе,
рано, рано,
рокот моря –
крупнокалибровый загромыхал…

Запись от 17 – 23 апреля 1930 г. Машинопись, карандаш, чернила.
РГАЛИ. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 26.

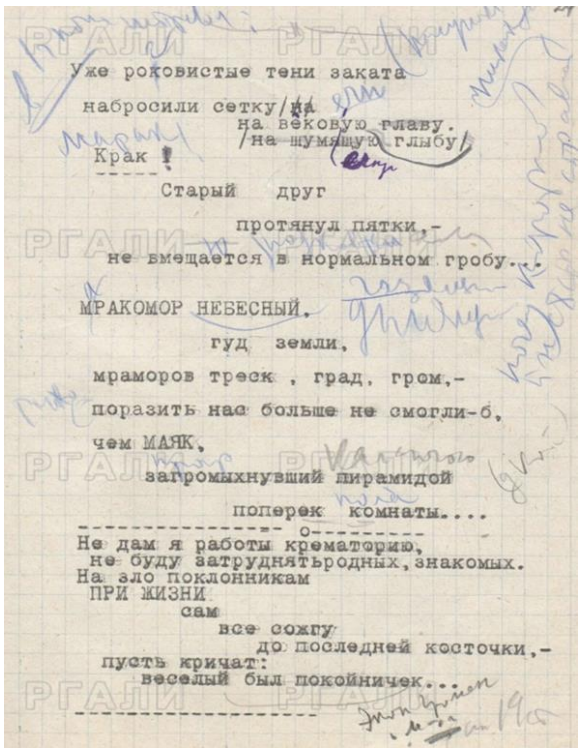
Крупнокалибровый рокот моря – грохот смертельного выстрела Маяковского. На полях черновика сделана попытка детально восстановить факты: определить и зафиксировать в тексте систему пистолета, из которого застрелился Маяковский. Крученых сначала пишет «браунинг», а потом зачеркивает его и меняет на «кольт». Задокументировать факт все равно не удалось – Маяковский застрелился из маузера. Вот так выглядит эта запись в черновике:

Врагу в радость,
нам на горе,
рано, рано,
рокот моря –
~~браунинг~~ загромыхал…

Кольт. Сорока двух калибровый кольт. 42-х калибровый. *Крупно калибровый*. Кольт автомат.

Реквием Маяковскому стал точкой отсчета – Крученых начал размышлять о собственной смерти. С этого времени в его черновых тетрадях появляются автоэпитафии. Самая первая буквально примыкает к реквиему. Она полна сарказма и горечи: Крученых не оставляет равнодушным потомкам не строчки своего литературного наследия.

Не дам я работы крематорию,
не буду затруднять родных, знакомых.
На зло поклонникам
ПРИ ЖИЗНИ
сам
все сожгу
до последней косточки, –
пусть кричат:
веселый был покойничек…



Уже роковистые тени заката
набросили сетку/на
на вековую главу.
/на шумящую глыбу/
Крак !

Старый друг
протянул пятки,-
не вмещается в нормальном гробу...
МРАКОМОР НЕБЕСНЫЙ,
гуд земли,
мраморов треск , град, гром,-
поразить нас больше не смогли-б,
чем МАЯК,
запромыхнувший пирамидой
поперек комнаты....
---------- о---------
Не дам я работы крематорию,
не буду затруднятьродных,знакомых.
На зло поклонникам
ПРИ ЖИЗНИ
сам
все сожгу
до последней косточки,-
пусть кричат:
веселый был покойничек...

Фрагмент рабочей тетради. ***РГАЛИ. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 24.***

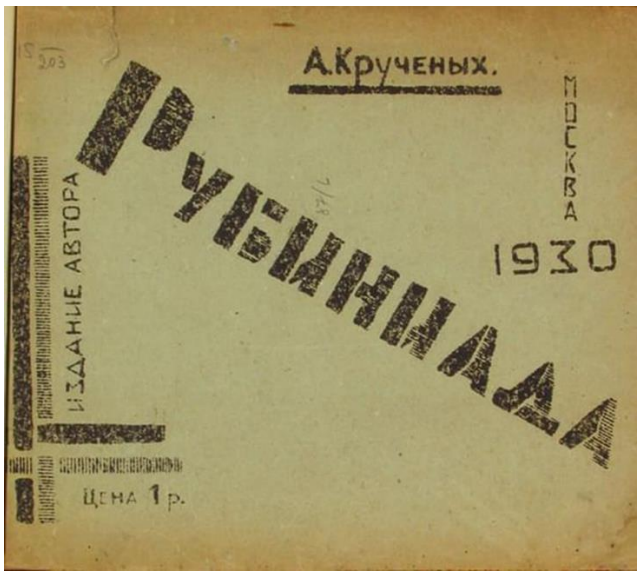
«Рубиниада»

На следующем этапе гнев уступает место депрессии; вторую автоэпитафию Крученых пишет уже в традиционной для жанра тональности – элегической, столь мало похожей на его собственный издевательски-ироничный стиль.

Цокает цинком осень,
Воздух – стекло.
Холостит.
Дайте мне добродить
по холодной степи,
дослушать пронизывающие стихи.
Там
– смотришь –
Старуха костлявой клюкою
Ко мне постучит…
/Холодный май 6/V– 30/

РГАЛИ. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 57.

Строки из эпитафии «Цокает цинком осень…» перекликаются с последней изданной книгой Крученых – «Рубиниадой», работа над которой проходила несколькими месяцами позже. Изданная крошечным тиражом в 130 экземпляров, книга посвящена «рубиновой Ирине» – Ирине Смирновой, появившейся в его черновых записях начала июня. По словам лирического двойника Крученых, «никогда еще жизнь моя/ на была так переполнена/ стихов/ гранатными зернами», как в эти четыре месяца.

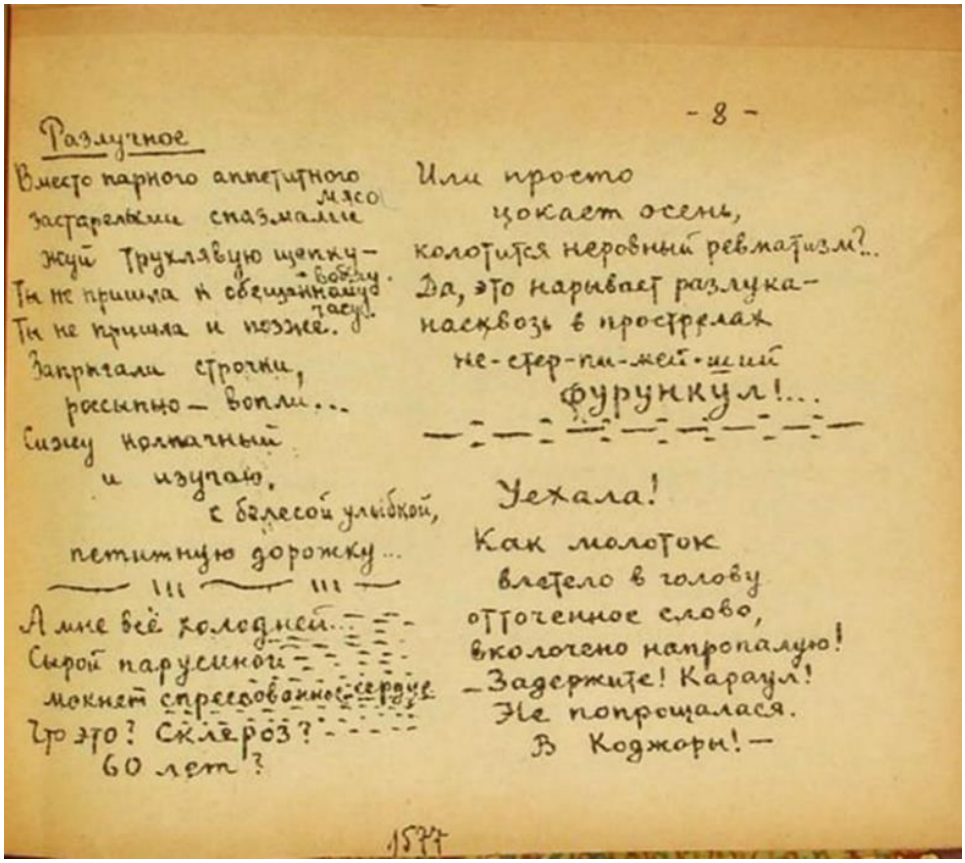


Рубиниада: август-сентябрь 1930 г. Продукция №178 / А. Крученых. Обложка Ивана Клюна

Ирина Смирнова. Рисунок Игоря Терентьева

Сорокачетырехлетний Крученых превращает «холодный май» второй эпитафии в раннюю осень и, для усугубления ситуации, добавляет себе пятнадцать-двадцать лет.

А мне все холодней…
Сырой парусиной
мокнет спрессованное сердце
Что это? Склероз?
60 лет?
Или просто
цокает осень,
колотится неровный ревматизм?..


- 8 -

Разлучное

Вместо парного аппетитного мясо
застарелыми спазмами
жуй трухлявую щепку —
Ты не пришла к обещанному часу.
Ты не пришла и позже.
Запрыгали строчки,
рассыпно — вопли...
Сизиу полотчный
и изучаю,
с болезной улыбкой,
петитную дорожку...

А мне всё холодней...
Сырой парусиной
мокнет спрессованное сердце
Что это? Склероз?
60 лет?

Или просто
цокает осень,
колотится неровный ревматизм?..
Да, это нарывает разлука —
насквозь в прострелах
не-стер-пи-мей-ший
фурункул!...

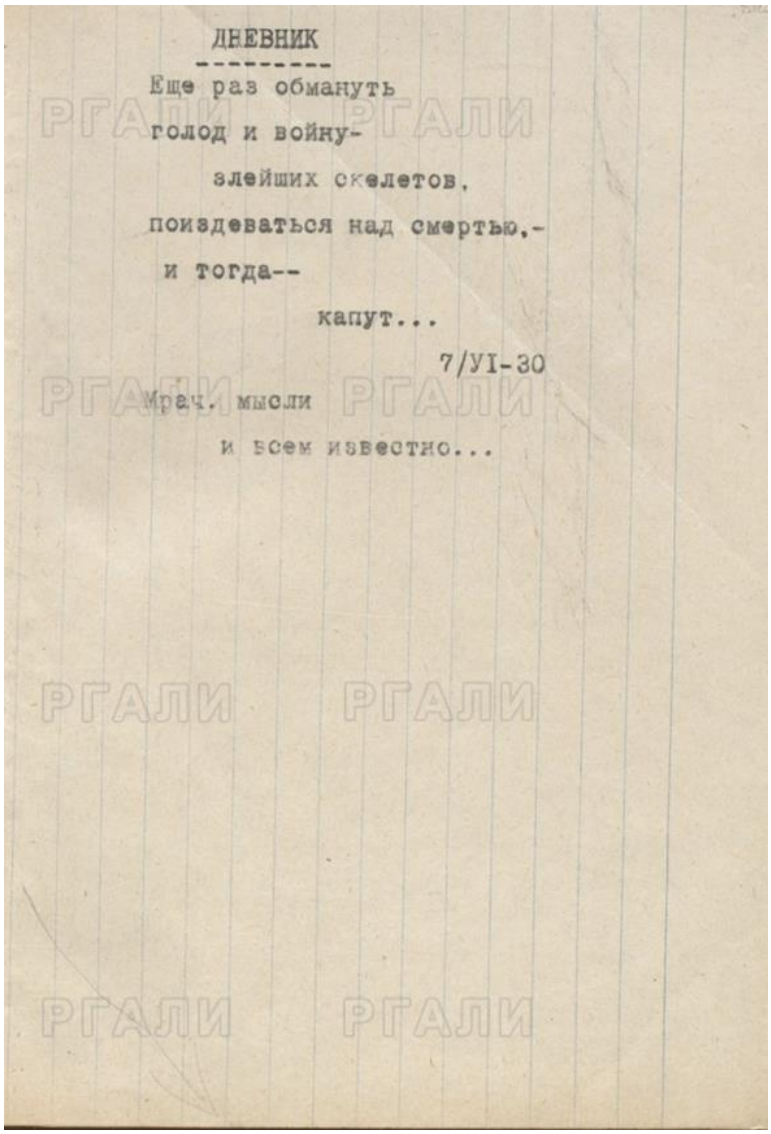
Уехала!
Как молоток
влетело в голову
отточенное слово,
вколочено напропалую!
— Задержите! Караул!
Не попрощалася.
В Коджоры! —

1877

«А мне все холодней…» Страница книги «Рубиниада»

Депрессия, даже тщательно срежиссированная, не свойственна Крученых ни в «эпатажной», ни в «рукописной» ипостаси. Как предупреждает первая страница «Рубиниады», «если встречаются другие картины (одинокая грусть, анемичные идиллии и проч.), то это для контраста: они быстро проходят, и сменяются, уже окончательно, торжествующими красными цветами и настроениями». Используя датировку рабочей тетради, мы можем точно определить, как долго «анемичные идиллии» продлились в реальной жизни Крученых. Седьмого июня, ровно через месяц после решения «добродить по холодной степи», появляется третья версия автоэпитафии, в которой заложена совершенно иная жизненная стратегия:

Еще раз обмануть голод и войну
- злейших скелетов.
поиздеваться над смертью, -
и тогда - -
капут…


ДНЕВНИК

Еще раз обмануть
голод и войну-
злейших скелетов,
поиздеваться над смертью,-
и тогда--
капут...
7/УI-30
Мрач. мысли
и всем известно...

Фрагмент рабочей тетради. ***РГАЛИ. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 77.***

Ни «одинокой грусти», ни сожжения рукописей «до последней косточки» не будет. Новая цель – выиграть время. Именно эта жизненная стратегия сохранила неизвестные стихотворения, прозу и дневниковые записи Крученых в сорока пяти рабочих тетрадях. С 7 июня 1930 года по 17 июня 1968 года поэт, художник, заумник, скандалист и великий выдумщик Алексей Крученых выиграл у шагающей рядом смерти тридцать восемь партий подряд.